

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Груздева*

Михайлова, Евгения.

М69 По осколкам разбитого зеркала / Евгения Михайлова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детектив-событие).

ISBN 978-5-04-100269-5

Катя отчаянно влюбилась в Егора, но у него жена, дочь и нет желания менять привычную жизнь даже ради идеальной женщины...

Лиля неразумно согласилась защищать клиента, который может погубить и себя, и репутацию начинающего адвоката...

Лена опрометчиво приняла помощь милого незнакомца, который теперь преследует ее, превращая жизнь девушки в настоящий кошмар...

Удержаться на плаву, выбраться на свет и даже найти новые берега героиням остросюжетных рассказов Евгении Михайловой помогает решительное желание стать хозяйкой собственной судьбы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михайлова Е., 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-100269-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Персонажи и события вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

ЕГОР И КАТЯ

Варна кружила головы солнцем, терпкими ароматами, яркими красками, легким хмелем вкусного вина. Море томно и глубоко дышало, по ночам лаская босые ступни Кати и Егора.

«Это какое-то открытие, — думала Катя. — Просто чудо. Обычный мужик, которого я не раз видела в нашем Курске, — неглупый, но нудный, симпатичный, но толстый, — вдруг оказался прекрасным принцем из сказки. Из строгой современной сказки, в которой побеждают только настоящий талант и редкое обаяние. А мужская сила и непреодолимое сексуальное притяжение — для меня не просто открытие, это прорыв в неизвестную область страсти. Это начало другой жизни. Я ведь так разборчива, мой опыт — разочарования, отторжения, пустота после того, что на мгновение показалось главной встречей».

Егор, вернувшись на рассвете в свой номер, долго курил на балконе.

Евгения Михайлова

— Удивительно, — думал он. — Дома мне даже в голову не приходило взглянуть на Катю как на женщину. Она была неплохим товарищем по нашему литературному объединению, отдушины для дилетантов, которые по жизни заняты серьезным и тяжелым, иногда изнурительным трудом. Общительный, приветливый, но ограниченный и закомплексованный преподаватель математики, которого удобнее всего определять именно так — в мужском роде. Это, возможно, требование профессии, не позволяющей будить ненужные эмоции и желания в разнополой аудитории, отвлекать от сути предмета и цели контакта. У меня примерно такая же ситуация. У врача нет пола в отношениях с пациентами, нет человеческих слабостей и пристрастий. Если это хороший врач. Я именно такой. И вдруг здесь, на этом несерьезном и смешном конкурсе, больше похожем на праздник и развлечение, мне открылась чудесная женщина. Катя оказалась нежной и трепетной. Яркой, забавной, смешливой и искренней, как ребенок. Здесь, на свободе от своих обязанностей, обязательств и условностей, она отпустила в себе редкую чувственность, прекрасную эмоциональность. Ей понятны музыка и поэзия души, что делает нашу внезапно вспыхнувшую страсть не заземленной, не пошлой, не физиологически примитивной. Это слияние мужчины и женщины,

назначенных друг другу судьбой и ею же разделенных для того, чтобы осталось от встречи лишь представление об идеале. О прекрасном, недостижимом, утраченном идеале. Да, я в одном уверен. То, что началось здесь, стало прелестным сном — забытием для обоих, здесь и закончится. Любое продолжение — в другом освещении, месте и в иных обстоятельствах — станет самой большой ошибкой».

Катя

Мы попрощались с Егором в Варне. Он улетал на день раньше всех: торопился на важный консилиум. Машина должна была приехать за ним к гостинице в шесть утра. И мы с вечера не расставались. Ужинали в ресторане под открытым небом, там неплохая певица пела томительные, страстно-горькие южные песни на болгарском языке. Мне было хорошо, радостно и печально. Я думала, что мы завтра больше не будем свободными и неразлучными, и в глазах закипали слезы. Я не вытирала их. Просто смотрела в лицо Егора, в его милое, доброе, такое мужское лицо, и знала, что он читает мой взгляд. И правильно все понимает. Мое чувство, благодарность и грусть не выразишь словами. Пусть так и запомнит мои глаза — в пелене горячих слез. Пусть увидит в них

Евгения Михайлова

мое сердце. Наверное, Егор найдет прекрасные слова, чтобы описать прощальную сцену возлюбленных в стихотворении.

Я представляла себе, как мы встретимся в Курске на тайной квартире, которую он, конечно, снимет для наших встреч. Как он будет читать эти стихи, как мы будем пить болгарское вино и вспоминать наши удивительные, безмятежные дни. Их было всего три. А кажется, будто счастье длилось вечность, которая пролетела, как мгновение. Я понимала, что дальше будет очень трудно: у меня муж, у него жена и дочь. Но мы вынесем все испытания, постараемся никого особенно не ранить. И, конечно, будем вместе. И однажды вернемся сюда, уже окончательно свободные и безмятежные.

После ужина мы долго гуляли по берегу, кроме моря. Обнимались, целовались так горячо, что ночью мое сердце наполнялось солнцем. Темным золотом нашей любви. Потом мы тихонько пробрались в мой номер. Провели там два блаженных часа. Там и простились на рассвете.

Я смотрела в окно, как он выходит с сумкой через плечо — крупный, основательный, сильный и непреодолимо притягательный. Как садится в машину. Уехал. Грусть моя была светлой и полной надежд. Я долго не могла уснуть. Читала, что-то писала на клочке бумаги. Пила кофе, смотрела с балкона на небо в звездах. Утром начала сладко

засыпать и вдруг вспомнила одну фразу Егора. Он нежно меня поцеловал в последний раз и произнес:

— Я никогда не забуду этот яркий кусочек моей сложной и довольно безрадостной жизни. Я буду дальше жить с образом прекрасной и щедрой женщины в душе. И знать, что за три дня мы с ней прожили нашу удивительную судьбу.

Тогда я подумала лишь о том, какие красивые слова он умеет найти, какой он необыкновенный человек. И только утром вздрогнула:

— О чем он сказал? Это, случайно, не о том, что мы больше не будем встречаться?

В самолете я была уже вся на нервах. Потом успокоила себя. Нужно только терпение. Приведу себя дома в порядок и начну ждать. Егор, конечно, позвонит, хотя ничего об этом не сказал. Но будут же заседания в нашем литературном объединении. Он знает, что мы встретимся. Конечно, он позвонит не сразу: нужно многое решить. Найти место для встреч, придумать возможность нам обоим сбегать туда, наверное, сначала днем, чтобы домашние ничего не заподозрили. Потом постепенно всех приучать, увеличивать время, оставаться на ночь. И наступит момент, когда наши семьи станут просто формальностью. И мы все решим деликатно и четко, с неотвратимой математической логикой. Я уверена в том, что

Евгения Михайлова

любые страсти можно уложить в строгие рамки нужного решения.

Домой я приехала днем, когда муж был на работе, мама на даче. Сбросила дорожную одежду и долго смотрела в ванной на свое отражение. Я очень строга к себе. Ненавижу собственные уродства: там складки, там жир, грудь слишком маленькая и вялая. Талия, живот, бедра, ноги — все требует подкачки. Лицо — отдельная драма. Отеки, морщины, кожа... У меня никогда не было стимула для тренажерных залов и косметических кабинетов. Да, дело именно в стимуле, время можно всегда найти. И я найду его. Но и так я вижу себя другой. Тело налилось теплом, в крови бродит его желание и мой ответ на него, именно это делает кожу нежной и золотистой. Мои вечно усталые, раздраженные глаза смотрят томно и нежно. Я увидела женщину, которая достойна любви редкого, единственного мужчины.

Егор

Провалился в работу, в будничные заботы, тягостные в меньшей или большей степени. Три дня болгарского отдыха сразу отодвинулись в тень воспоминаний, далеких от реальной жизни. Мешали физические ощущения акклиматизации: днем хотелось спать, ночью мучила бессонница. Для хи-

руга, который стоит у стола в железном режиме, это большая проблема. Я и не заметил, как пролетела неделя, затем вторая. И только сейчас, прикинув по календарю, сколько времени прошло после Варны, я вспомнил Катю. Не мельком, не как факт, не как знакомую, которой некогда даже позвонить. А как ту женщину, с которой провел, возможно, самые упоительные дни в своей жизни. Сейчас точно не скажу, не сыграли ли в этом чуде решающую роль самые объяснимые факторы. Кусочек отдыха и свободы после многих лет каторжного труда без отпуска, без возможности расслабиться. После трудного быта, скудной, сырой погоды круглый год, серого неба. После простуд, которые постоянно мучают ребенка. Я очень болезненно реагирую на минимальные страдания моей девочки. Тот случай, когда абсолютно не срабатывает мой профессиональный иммунитет к чужой боли.

Сегодня вечером я наконец крепко уснул. Проснулся среди ночи, отдохнувший, с ясной головой. И вспомнил Катю. Хорошо так, по-доброму, светло вспомнил ее человеческую легкость, доверчивость, искренность. В моей жизни не было места такому общению. Я сторонник четких, ограниченных, мотивированных и целесообразных контактов с другими людьми. Они не должны мешать, раздражать, отвлекать меня от главного, отнимать время и, не дай бог, эмоции. Признаюсь: такие

Евгения Михайлова

отношения даже у нас с женой. Мы пришли к этому по умолчанию. Света оставила работу, когда родилась Лера. И создала для себя круг общения. Это приятельницы примерно одного с ней образа жизни и статуса. То есть неработающие женщины определенного достатка. Они все редко видят мужей, как и Света. И компенсируют друг другу дефицит общения в полной мере. Со мной жена делится в основном позитивными новостями. Там, в ее кружке, какой-то культ «позитивного общения». Они обмениваются способами и методиками делать радость из ничего. Меня эта глупость не беспокоит. Бывает хуже.

Я вспомнил Катю очень близко, даже горячо. Встал, налил на кухне стакан холодного пива и вышел на балкон. До Варны Катя никогда не казалась мне красивой. А там... Там она оказалась гораздо больше, чем красивой. Ее светло-карие глаза казались темно-золотыми. Это был не только отблеск солнца. То была богатая внутренняя жизнь, которая находила самые прелестные выражения. Губы расцветали в нежной, ласкающей улыбке. Между тонкими бровями пряталась глубокая мысль. Руки находили меня для прикосновения естественно и по-детски чисто. И отдавалась она мне не как опытная женщина и не как изголодавшийся и разговевшийся синий чулок. Она дарила мне себя со щедростью и откровенностью языческой богини.

Была немногословна, но умела выразить чувство именно так, как я хотел, как способен услышать. И это особое открытие. Катя, неловкий и неумелый графоман в своих литературных упражнениях, оказалась талантливым литератором именно в любви. Ее женская, богатая суть отобрала и сохранила драгоценные слова только для одного мужчины, только для нужного мгновения.

Не знаю, странно ли это. Но я, так подробно и ярко вспоминая Катю, не испытал желаний увидеться с ней в нашей обычной, будничной жизни. Она стала символом праздника, которому тайна и нарушенные запреты придавали особую чувственность и остроту. Будни могут убить все, даже воспоминания. А я этого не хотел бы.

Катя

Я ждала звонка Егора две недели. В Болгарии сама забила ему в контакты свой мобильный, домашний и рабочий телефоны. Звонка не было. Наверное, навалилась работа. Но вообще-то послать эсэмэску из трех слов времени не требует. Но такой он человек — цельный и серьезный. Ему, конечно, нужно все как следует осмыслить и принять самые верные решения.

Наконец я не выдержала. Позвонила в больницу. Просто спросила, работает ли Егор Васи-

Евгения Михайлова

льевич Коренев. Мне ответили, что да. Прямой телефон отказались дать. Но я бы и не хотела пока проявляться, как-то наседать. Решила занять себя полезными делами. Записалась на фитнес и в бассейн, на курс процедур в косметическом салоне. Покрасила волосы в красивый золотисто-каштановый оттенок, сделала стильную стрижку. На работе все как обычно. С мужем — как всегда. Привет. Ты в порядке? Что завтра приготовить на обед? Витя мне обрадовался. По-своему. Даже разок исполнил супружеский долг. И мы опять вписались в семейные вечера: я с тетрадками и за компьютером, он у телевизора с банкой пива.

В календаре у меня отмечен день следующего заседания нашего объединения. Пыталась написать к нему что-то красивое по мотивам встречи в Варне. Напечатала только название: «Встреча в Варне», нашла к эссе прелестный рисунок: море, ночь, след луны и два силуэта — мужской и женский. Они стоят рядом, протянули друг к другу руки, но не коснулись. Как будто вместе держат кусочек воздуха, который стал общим для двоих. Но не смогла написать ни слова, хотя обычно пишу быстро и легко. Задумалась: в чем дело? Да вот в чем: я должна знать, что это у меня есть. Я слишком мало получала от жизни подарков, чтобы лелеять радость от одного воспоминания. Нет, я живой, страстный и нетерпеливый человек.

И я чувствую в себе силы не выпустить из рук то, что кажется мне главным женским шансом и успехом.

На заседание я пришла первой и ушла последней. Все надеялась, что Егор опоздал, но придет. Не явился, не дал о себе знать. И я перестала ощущать то, что мне казалось крепкой связью наших сердец. Домой плелась как списанная кляча.

К вечеру решила: набрала номер его мобильного. Не отвечает. Но я же у него определилась. Он может быть на операции, потом перезвонит. Ждала до поздней ночи, потом уже нет никаких операций. Набрала его номер — телефон вне доступа. Тоже можно понять: устал, пришел домой, выключил телефон, чтобы не мешали.

На следующий день я позвонила восемь раз. Послала СМС: «Ты пропал. Беспokoюсь. Ответь на звонок. Твоя Катя. Очень скучаю». Меня сделал бы счастливой такой короткий ответ: «Я тоже. Занят, потом позвоню». Но ответа не было. Еще раз спросила в больнице, работает ли Коренев. Работает. Вечером набрала домашний номер. Ответил женский голос, я положила трубку. Позже ответил детский голос. Я сказала: «Извините, ошиблась». Что же делать? Для того чтобы встретить Егора в одном городе, где мы и живем недалеко друг от друга — пешком можно добежать, — нужно сторожить у больницы или у его подъезда с ночи